

Последнее время Гоудань крутился как белка в колесе. Пусть поначалу он и не спешил разворачивать дела, но с приближением Нового года, едва разобравшись с насущными заботами, снова взялся за торговлю. И ничего тут не поделаешь — звонкая монета затягивает почище любого дурмана. Работа изматывала до предела, но за делами незаметно пролетел целый месяц, остался позади и европейский Новый год, а Гоудань всё корпел над счетами, пытаясь свести концы с концами.

Раньше ему здорово помогал Ван Сюань, но теперь учитель держал того в ежовых рукавицах. Рассчитывать на друга больше не приходилось, так что Гоуданю всё приходилось тащить на собственных плечах.

С тех пор как они открылись, прошло чуть больше месяца, а прибыль уже текла рекой. Секрет успеха был прост: они сделали ставку на редкий дефицитный товар, который в уезде днём с огнём нельзя было сыскать.

Взять, к примеру, новые кассетные магнитофоны: едва появившись на рынке, они мгновенно свели с ума всю страну. Сметали их начисто, а у большинства спекулянтов просто не было выходов на поставщиков. Гоуданя же выручала дружба с Сяо Цянем. Тот крутился на самом юге, закупал товар прямо с заводов и ухитрялся выбивать приличные партии. Сам он вел дела в Южных регионах, но быстро сообразил, что в одиночку столицу ему не потянуть. С Гоуданем они стали идеальными партнерами: одному было проще достать дефицит на юге, другому — сбыть его в столице.

Из-за жесткого дефицита наценка выходила баснословной, а чистая выручка кружила голову. Дела шли настолько успешно, что Гоудань даже раздобыл два пейджера — себе и Ван Сюаню. Теперь держать связь стало куда проще.

Сяо Цянь, хоть и пользовался поддержкой родных дядей, всё же оставался обычным старшеклассником. Его заботой было вылавливать самые ходовые новинки на южных рынках и переправлять их в Столицу. В дело они вкладывались поровну, деля и доходы, и риски. Один засел на юге, другой — на севере, став друг для друга надежной опорой.

В столице без связей делать было нечего, поэтому Гоудань сразу обратился к Чэн Шу. Для начала в таком непростом городе, как Столица, заручиться поддержкой влиятельного человека было жизненно необходимо. Сперва Гоудань даже не просил у него денег или личного участия — лишь хотел предложить десятипроцентную долю в обмен на покровительство, когда дела пойдут в гору. Однако Чэн Шу, едва выслушав предложение, загорелся идеей и сразу вызвался войти в долю полноценным капиталом. После недолгих переговоров на троих они объединили средства и решили размахнуться по-крупному.

Помимо кассетников, разлетавшихся как горячие пирожки, Сяо Цянь без устали мотался по югу, задействовал все связи и выбивал права на другие дефицитные товары. За этот короткий срок компаньоны сорвали колоссальный куш. Продавалось абсолютно всё, спрос казался ненасытным.

Теперь, помимо электроники и ходового дефицита, Гоудань всерьез подумывал открыть магазин бытовой техники и модной одежды. По правде говоря, хоть крупная техника и сулила огромные барыши, она требовала слишком больших вложений. Одежда и модные аксессуары были ему куда ближе — в конце концов, именно на тряпках он в своё время и набил руку.

Перед Праздником весны народ традиционно сметал с прилавков всё подряд, так что торговля шла бойко. Но за внешним успехом скрывались суровые будни. На словах всё казалось легким, а на деле Гоуданю не раз приходилось балансировать на грани. Несколько раз к нему приставали местные бандюганы, дело чуть не дошло до поножовщины. В столице, прямо под боком у верховной власти, царил свой скрытый хаос. Никогда не угадаешь, за кем из неприметных лавочников стоит фигура, которую лучше не злить. Если бы не своевременная помощь Чэн Шу и жесткий, бескомпромиссный отпор, который Гоудань давал обидчикам лично, его предприятие прикрыли бы еще до первой прибыли.

Золотой телец всегда туманит разум. Ради наживы люди идут на безумства, и если сильные мира сего брезговали мелкими лавками, то уличная шваль отнюдь не страдала излишней щепетильностью.

От вечной нервотрепки Гоудань заметно осунулся, хотя ел теперь за троих. Ван Сюань, видя это, урывал каждую свободную минуту, чтобы сварить для него питательный бульон или целебный отвар. Су Хэвэн, страстный любитель вкусно поесть, изнывал от зависти и за глаза ворчал:

— Гоудань жрёт в три горла, а кожа да кости. Это всё потому, что у него в башке слишком много шестерёнок крутится!

Но как тут не крутиться? От этих дел голова шла кругом, а сердце то и дело уходило в пятки. Столичная жизнь наглядно показала Гоуданю: о тихой и беззаботной торговле в своё удовольствие, как бывало прежде, можно забыть раз и навсегда.

Он осознал, что в Столице некоторые люди стоят прочнее скалы — они и есть закон. И коммерция здесь — не просто обмен товара на деньги, а тончайшая дипломатия. Сейчас у него работали всего две лавки. На фоне дельцов, ворочавших миллионными бюджетами, это выглядело детским лепетом. Прибыль текла хорошая, но масштабы оставались скромными. А ведь если думать о будущем, о расширении...

Теперь он ни капли не жалел о десяти процентах, которые отдавал Чэн Шу. Если бы не дядя Чэнь Чжэнго, он бы никогда не сошелся с этим столичным щеголем так близко и вряд ли посмел бы беспокоить его по пустякам.

Позже, обсуждая дела с доктором Цинем и Лю Юанем, Гоудань услышал от последнего дельный совет: «Покровительство — вещь хрупкая. Если хочешь долгой дружбы, привяжи человека рублём». И пусть Чэн Шу позже вошел в дело собственным капиталом, став полноценным соучредителем, расклад сил оставался очевидным: это Гоудань нуждался в нём, а не наоборот. Примет ли Чэн Шу это подношение — его личное дело, но предложить они были

обязаны. Изначально Гоудань сулил пятую часть доходов, но тот благородно согласился лишь на десятую. С учетом его личных вложений за столь короткий срок Чэн Шу тоже остался в огромном плюсе.

Именно тогда Гоудань окончательно уяснил простую истину: большие деньги без власти не стоят и ломаного гроша.

Снег в Столице совсем не походил на деревенский. Здесь он ложился плотным, тяжелым пластом, отливая серостью от городской гари. На родине метели налетали стремительно и так же быстро стихали, а сугробы жадно впитывались истощенной за осень землей. В столице же снегопад мог затянуться на долгие дни. И хотя в родных краях морозы кусались не на шутку, Гоуданю казалось, что столичная стужа пробирает до самых костей гораздо сильнее.

Су Хэвэн в такую непогоду носа на улицу не казал. Его хлипкое здоровье не позволяло резвиться на морозе, так что мастеру Циню даже не приходилось следить за подопечным. К тому же у парня появилось новое увлечение, ради которого он готов был добровольно запереться в четырех стенах. Получив от Гоуданя кучу подарков, Су Хэвэн быстро прикусил язык и больше не заикался о чужой худобе. Еще бы — ведь Гоудань раздобыл для него ультрамодные брюки-клёш, солнцезащитные очки точь-в-точь как у заграничной эстрадной звезды и новейший магнитофон.

Мало того, Гоудань снабжал его самыми свежими кассетами. Да не простыми, а сборниками, куда были бережно записаны все популярные хиты подряд — не нужно было, как раньше, без конца перематывать ленту в поисках любимой песни. Су Хэвэн сиял от счастья. Стоило друзьям проведать о его богатстве, как они толпой повалили в гости выпрашивать кассеты. Парень в одночасье стал душой компании и, пользуясь случаем, принялся направо и налево рекламировать лавку Гоуданя.

Гоудань втайне радовался: старший брат Су оказался отличным живым манекеном. Пусть в делах он не смыслил, зато благодаря легкому, веселому нраву имел сотни знакомых. Слухи поползли по Столице со скоростью степного пожара, и поток покупателей хлынул в новую лавку нескончаемой рекой.

Вскоре весь город узнал, что в лавке «Успешный старт» можно достать дефицитную аудиотехнику, редкие кассеты и ультрамодные шмотки. Поговаривали, что фасоны одежды везут прямиком с Острова Гонконг — по последней мировой моде. Гоудань не поскупился и притащил для Су Хэвэна личный новенький магнитофон, ведь предыдущий, предназначавшийся доктору Циню, тот бесцеремонно прибрал к рукам.

Сам старый лекарь к технике дышал ровно. Его сердцу были милы классические китайские оперы, а записей подобных спектаклей на кассетах пока никто не делал. Доктор предпочитал по старинке выбираться на живые выступления или ловить нужную волну по радиоприемнику в определенные часы.

— Скоро экзамены, — поинтересовался Ван Сюань. — Как подготовка?

— Да пятьдесят на пятьдесят, — вздохнул Гоудань. — Придется поднажать в последние дни. Чэн Шу обещал прислать толкового помощника, чтобы разгрести текучку в лавке. Если всё сложится, буду заглядывать туда раз в неделю, чисто для контроля. Сходим сегодня после обеда, оценишь масштабы?

Ван Сюань без раздумий кивнул. Из-за учебы у наставника он последнее время совсем забросил дела, хотя по вечно растущей пачке купюр понимал: бизнес Гоуданя процветает. Но увидеть всё своими глазами так и не довелось. Да и, честно говоря, его немного беспокоило неожиданное сближение друга с Чэн Шу. С такими птицами высокого полета следовало держать ухо востро. Связываться с золотой молодежью — дело скользкое, в любой момент можно оказаться в должниках и потерять независимость.

Раньше между ними не существовало тайн, но теперь Гоудань явно недоговаривал о некоторых деталях столичной жизни.

Едва укрывшись от ледяного ветра в помещении лавки, они застали там нескольких припозднившихся покупателей. Гоудань увлек друга в глубину зала, где за фанерной перегородкой скрывалась крохотная каморка. Вся обстановка состояла из простого деревянного стола, пары длинных лавок и колченогого потрепанного дивана.

Приветственно кивнув хозяевам, продавцы тут же вернулись к покупателям. Торговать спустя рукава никто не хотел: Гоудань ввёл сдельную оплату труда, подсмотрев этот хитрый прием у южных фабрикантов. Продашь больше — получишь жирный процент.

Система работала без сбоев: у каждого проснулся нешуточный азарт, да и лентяев среди персонала вычислять стало проще простого. Дела крутились сами собой. Даже в отсутствие Гоуданя никто не смел тащить дефицит со склада: каждая коробка стояла на строгом учете под уникальным номером, а любая продажа фиксировалась в накладных. Всё-таки товар дорогой, шутки плохи. Впрочем, во втором их магазине, что примостился чуть дальше по улице, торговали всякой приятной мелочевкой. Там и штат требовался побольше, да и нанимал Гоудань в основном бойких девчат.

Найти хороших работников в столице оказалось той еще задачей. Горожане крепко держались за государственные заводы — даже должность простого разнорабочего ценилась выше, чем сомнительное место у частного-индивидуала. На первых порах Гоуданю пришлось попотеть: брать уличных бездельников с мутным прошлым он не желал, а приличные люди обходили кооператоров стороной.

В итоге штат укомплектовали благодаря связям Су Хэвэна. Тот поспрашивал приятелей и нашел ребят из пригородных деревень. С введением семейного подряда свободных рук в деревнях прибавилось, а работы на скудных наделах для всех не хватало. Су Хэвэн, знавший половину Столицы, запустил сарафанное радио: друзья советовали друзей, те — своих дальних родственников, пока цепочка не затерялась где-то на окраинах провинции.

Формально за каждого из них поручились, но на деле Гоудань этих «посредников» в глаза не

видел. Новоприбывших он сначала брал на испытательный срок, отсеивая ленивых, и к настоящему моменту костяк команды подобрался отличный. Раньше Гоудань и помыслить не мог о наемных рабочих — жаба душила делиться кровными доходами с чужаками.

Теперь же, когда времени катастрофически не хватало, он осознал удивительную вещь: наемный труд окупался с лихвой. Расходы на жалованье не только не загнали его в долговую яму, но и позволили расширить дело до невиданных масштабов. На практике это выглядело идеальным подтверждением политэкономии капитализма, которую он почитывал на досуге.

Присвоение прибавочной стоимости в чистом виде! Работник создавал ценность условных десяти юаней, Гоудань выплачивал ему два-три юаня в качестве жалованья, а остальное клал себе в карман. За вычетом аренды и закупки чистая прибыль выходила колоссальной. Чертовски выгодная схема. Ну а если наемник не приносил выгоды, с ним прощались без долгих сантиментов.

— Ну, в общих чертах договорились, — Гоудань степенно, по-взрослому пожал руки новым кандидатам, пришедшим на собеседование. — Раз уж вас прислал Чэн Шу, я доверяю его выбору. Будем работать.

Он быстро ввёл новичков в курс дела, распределив обязанности по способностям каждого. Хотя площадь у лавки была скромной, ежедневная выручка поражала воображение. Проведя небольшую экскурсию и перезнакомив новоприбывших со старыми сотрудниками, Гоудань велел им со следующего утра заступать на смену.

<http://bllate.org/book/19654/1996799>